

Анастасия Собянина

Гроза и Сокол

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Собянина

Гроза и Сокол

«Автор»

2026

Собянина А.

Гроза и Сокол / А. Собянина — «Автор», 2026

Она — лучшая гонщица в мире уличных мотоциклов по прозвищу Гроза. Он — легенда подпольных треков, король Севера по прозвищу Сокол. Их первая встреча — искра, которая разжигает войну: дерзкие вызовы, опасные гонки на мокром асфальте, ненависть, способная сжечь всё вокруг. Но у скорости свои законы. Чем быстрее они мчатся, тем тоньше грань между соперничеством и страстью. От заброшенных промзон до смертельно опасной «Красной Арены», от предательства бывших друзей до столкновения с криминальным прошлым — их дорога превращается в гонку на выживание. Ему есть что терять. Ей — за что мстить. И когда на кону оказывается не только титул, но и жизнь, им придётся решить, кто они друг другу: враги, союзники или нечто гораздо большее. Это история о бешеной скорости, всепоглощающей любви, темных тайнах мотогонок и цене, которую приходится платить за право быть свободным.

© Собянина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стальной характер	5
Глава 2. Искры на мокром асфальте	9
Глава 3. Трещина в броне	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анастасия Собянина

Гроза и Сокол

Глава 1. Стальной характер

Запах высокооктанового бензина, смешанный с жжёной резиной и раскалённым асфальтом, был для Насти привычнее духов «Шанель 5». Она стояла, облокотившись на бак своего чёрно-алого «Yamaha YZF-R1M» — хищника, заточенного под кольцевые гонки, но прирученного для городских джунглей. Ночной воздух дрожал от рева двигателей. Прожекторы вырывали из темноты кусок заброшенной промзоны, превращенной в храм скорости, где она была верховной жрицей.

Настя, или Гроза, как её звали в узких кругах, не была похожа на типичную байкершу. Никаких розовых стразиков, наклеек с Hello Kitty или косичек. Чёрный кожаный комбинезон сидел как влитая вторая кожа, подчёркивая поджарую, тренированную фигуру. Длинные русые волосы она всегда убирала в тугий пучок на затылке, открывая острые скулы и упрямый подбородок. Глаза, цвета грозового неба, смотрели на мир с холодным вызовом. Она не просто ездила быстро — она жила на пределе, там, где стиралась грань между человеком и машиной.

Парни её не интересовали от слова «совсем». Они были предсказуемы, как траектория на автопилоте. Сначала робкие взгляды, потом бахвальство мощностью двигателя (обычно преувеличенной), потом дешёвые подкаты и обида, когда она обставляла их на треке. Её страстью был чистый адреналин, свист ветра в ушах, идеальная траектория поворота, когда колено в слайдере почти касается асфальта, а сердце отсчитывает доли секунды до апекса. Только это было настоящим. Только это не предавало.

— Гроза, слышала новость? — к ней подошёл Дима, её механик, плюгавый паренек с вечно перепачканными маслом руками, но с золотой головой. Он был единственным мужчиной, которому она доверяла, потому что он относился к её байке с большей любовью, чем к любой живой женщине.

— Если ты про новую наклейку на баке у Славы, то я не впечатлена, — фыркнула Настя, не поворачивая головы. Она следила за заездом любителей, где какой-то выскочка на «Suzuki» пытался изобразить из себя Кейси Стоунера, смешно заваливая байк в поворотах.

— Какая наклейка? — отмахнулся Дима. — Ты что, в своём репертуаре. В город приехал Паша.

Имя повисло в воздухе, как флаг перед стартом. Настя медленно повернула голову. Внутри что-то неприятно кольнуло. Паша. Король Северо-Западного кольца. Легенда, которую она никогда не видела вживую, но чьи записи на Ютубе засматривала до дыр, анализируя каждый его маневр. Его стиль был безумным. Слишком агрессивным, граничащим с безрассудством, но чертовски эффективным.

— И что ему здесь нужно? — спросила она нарочито равнодушным тоном, но Дима слишком хорошо её знал, чтобы купиться на это. Он заметил, как напряглись её плечи.

— Говорит, хочет размяться. У нас, мол, тут «интересный рельеф». Ага, конечно. Я слышал, как он с парнями болтал. Он хочет поставить тебя на место. Говорит, что женская попка на супербайке — это для рекламы моторного масла, а не для серьёзных гонок.

Скулы Насти заострились. Холодная ярость — её привычное топливо — разлилась по венам. Значит, «интересный рельеф»? Что ж, она покажет ему такой рельеф, что он свой позвоночник забудет.

Он появился эффектно, как и полагается легенде. Гул его мотоцикла — чёрного, как смоль, «BMW S1000RR» с хищной красной полосой, — разрезал общий шум, словно скаль-

пель хирурга. Толпа расступилась, как море перед Моисеем. Паша заглушил двигатель, и на секунду повисла театральная тишина, нарушаемая только лёгким потрескиванием остывающего металла.

Он был хорош. Этого Настя не могла не признать, даже сквозь пелену раздражения. Высокий, широкоплечий, с ленивой грацией хищника, уверенного в своей силе. Вместо комбеза — черная кожаная куртка нараспашку, под ней простая серая футболка, обтягивающая мощную грудь. Темные волосы взлохмачены ветром, на лице — щетина, придающая ему вид опасного и бывалого. Но главное — глаза. Тёмные, насмешливые, они скользнули по толпе, моментально считывая обстановку, пока не наткнулись на неё.

Их взгляды встретились. Это было похоже на короткое замыкание. Воздух между ними, казалось, заискрился. Настя смотрела с вызовом, приподняв подбородок. Паша, вместо того чтобы отвести взгляд, медленно, оценивающе осмотрел её с головы до ног, задержавшись на изгибе бедра в обтягивающем комбинезоне. Его губы изогнулись в усмешке, которая Насте показала отвратительно самодовольной.

Он слез с байка и направился прямо к ней. Не спеша, вразвалочку. Толпа вокруг затихла, предвкушая зрелище.

— Так-так, — протянул он, и его низкий, с хрипотцой голос пробрал Настю до мурашек. Не от страха, нет. От злости. — Значит, это и есть то самое «Стихийное бедствие» местного разлива? А я думал, увижу кого-то — он сделал паузу, глядя на неё сверху вниз, — побрутальнее.

Настя холодно улыбнулась. Она знала эту игру. Заставить сомневаться в себе, вывести из себя до старта. Не выйдет.

— А я думала, Король Севера выглядит умнее. Ошиблась, — парировала она ледяным тоном. — Ты приехал языком чесать или ездить? А то у меня расминка по расписанию.

Вокруг послышались смешки. Паша прищурился. Удар достиг цели. Он не привык, чтобы ему дерзили, тем более девчонка.

— Дерзкая, — констатировал он. — Это хорошо. На трекке скучно не будет. Давай сделаем так, красавица. Один заезд. Ты и я. Отсюда до старого моста и обратно. Проигравший — он снова окинул её взглядом, задержавшись на линии декольте, едва угадываемой под молнией комбеза, — исполняет любое желание победителя.

Толпа взревела. Это было оскорбительное, унижительное пари, превращавшее её из равного соперника в объект игры. Внутри Насти всё кипело, но лицо оставалось маской нордического спокойствия.

— Желание? — она сделала шаг к нему, сокращая дистанцию до неприличной. От него пахло бензином, кожей и дорогим мужским парфюмом. — Заметано. Готовься мыть мой байк. Зубной щёткой.

Она резко развернулась, взмахнув волосами, и пошла к своему байку, чувствуя, как его взгляд буравит её спину. Дима уже колдовал над «Ямахой», проверяя давление в шинах.

— Ты с ума сошла? — зашипел он. — Это же Паша! У него байк форсирован до предела. Ты видела его время на кольце?

— Видела. И оно хуже моего лучшего на полсекунды, — отрезала Настя, натягивая перчатки. — Просто сделай так, чтобы старушка не подвела на прямой.

Она знала свои козыри. Прямая трасса до моста и обратно — не для его «БМВ». Там, где нужна максималка, у него преимущество. Но трасса включала в себя «Тешин язык» — серию опасных S-образных поворотов с плохим асфальтом и отсутствием освещения. И там, где нужна филигранная работа телом и безумная вера в сцепление с дорогой, у неё не было равных.

Они выстроились на импровизированной линии старта. Две чёрные фигуры на фоне бетонных руин. Стартером вызвался Слава — вечный неудачник, который боготворил и боялся Настю, и которому Паша сразу не понравился.

— Никакой грязной игры! — прокричал он, перекрывая рев двух моторов. — Трасса до моста и обратно. Финиш здесь. Кто не впишется в поворот — сам виноват.

Настя опустила визор шлема. Мир сузился до полоски асфальта и красной линии тахометра. Сердце билось ровно и мощно. Она бросила короткий взгляд на Пашу. Он смотрел на неё, и даже через тонированный визор она чувствовала его взгляд. Он помахал ей двумя пальцами, вскинутыми в издевательском приветствии.

Рука Славы поднялась. Двигатели взревели на предельных оборотах. Настя чувствовала, как вибрирует под ней 200 лошадиных сил, умоляя сорваться с поводка.

Рывок! Адская смесь звука, дыма и резины взорвала тишину. Настя стартовала идеально, как учили. Сцепление выжато ровно настолько, чтобы переднее колесо не оторвалось от земли, но разгон был максимальным. Первые метры они шли колесо в колесо. Рев двух моторов слился в один оглушающий вой. Периферийным зрением она видела, как Паша бросает на неё короткие взгляды, удивлённый тем, что она не отстаёт.

Прямая. Стрелка спидометра неумолимо ползла вправо: 180, 220, 260. Ветер пытался разорвать её, оторвать от байка. Она вжалась в бак, сливаясь с машиной. Паша начал медленно уходить в отрыв. Его «БМВ» на прямой был сильнее. Настя стиснула зубы. Она проигрывала. Но впереди был вход в «Тещин язык».

И тут она увидела это. Паша, уверенный в своём превосходстве, начал тормозить слишком рано и слишком плавно. Он боялся этого участка. Он его не знал.

— Прощай, Король, — прошептала Настя.

Она сделала невозможное. Вместо того чтобы тормозить перед первым поворотом, она, наоборот, чуть прибавила газ, сместив вес тела влево и вывесив колено. Её «Ямаха» нырнула в поворот на грани срыва. Резина взвизгнула, заднее колесо слегка повело, но она контролируемым сносом прошла апекс, буквально вылизывая внутренний радиус. Это был адский, самоубийственный маневр, но он сработал. Она обошла его с внутренней стороны, в повороте, где обгон считался смертельным номером!

Выйдя из первого поворота, она уже была впереди. Но «Язык» только начинался. Второй поворот был правым, с отвратительным бугром на апексе. Настя знала о нём. Паша — нет. Она видела в зеркале, как его байк подпрыгнул на кочке, как его мотнуло, и как он чудом удержался на траектории, потеряв драгоценные секунды.

К финишной прямой она вылетела с отрывом в три корпуса. Дальше была прямая до моста, разворот на пяточке и обратная дорога. Настя не дала ему шанса. На обратном пути «Тещин язык» она прошла как по нотам, на этот раз уже не атакуя, а просто удерживая преимущество. Она слышала сзади яростный рев его двигателя, но он ничего не мог поделать. Там, где нужна была грубая сила, он побеждал. Там, где требовалось искусство и знание каждого сантиметра асфальта, царицей была она.

Она пересекла финишную черту, и толпа взорвалась. Люди кричали, свистели, бросали в воздух кепки. Настя остановила байк, заглушила двигатель и медленно сняла шлем. Её лицо покраснелось, глаза горели огнём чистейшего триумфа. Она потрянула головой, и тугой узел волос рассыпался, упав ей на плечи. В этот момент она была богиней победы.

Паша финишировал через несколько секунд. Он остановился поодаль, снял шлем, и его лицо было непроницаемо. Ни злости, ни досады. Он смотрел на неё. Смотрел долго, и в его тёмных глазах читалось что-то совершенно новое. Не насмешка, не похоть, не досада. Уважение? Восхищение?

Он слез с байка и медленно, под притихшие возгласы толпы, направился к ней. Настя стояла, гордо выпрямившись, готовая выслушать его оправдания или жалкие попытки оспорить результат.

Он подошел почти вплотную, и ей снова пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд. В нос ударил запах его парфюма, смешанный с потом и адреналином. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на растрепавшихся волосах, на приоткрытых от частого дыхания губах.

— «Тещин язык», — произнес он низким голосом, и в нём не было и тени злости. — Это было великолепно.

Он не оправдывался. Не говорил, что его байк тяжелее, или что он не знал трассы. Он просто признал её мастерство.

— Ты проиграл, — холодно констатировала Настя, хотя внутри у неё что-то дрогнуло. Она ждала чего угодно, но не этого.

— Проиграл, — спокойно согласился он, и вдруг его губы тронула та самая, но теперь уже совершенно иная усмешка. Не самодовольная, а какая-то тёплая и опасная одновременно. — Я в долгу. Какое желание?

Настя на секунду растерялась. Её план был унижить его, заставить публично признать поражение. Но он смотрел на неё так, что все заготовленные слова застряли в горле. Его взгляд был тяжёлым, обволакивающим, он проникал куда-то глубже, чем ей бы хотелось. Он смотрел не на чемпионку Грозу. Он смотрел на женщину Настю.

— Я — она запнулась, что с ней случилось крайне редко. — Я подумаю. Ты теперь мой должник.

— С нетерпением буду ждать, — промурлыкал он, и от звука его голоса по спине Насти побежали предательские мурашки. Он резко развернулся и пошел к своему байку, оставив её стоять в полном смятении.

Толпа снова зашумела, окружила её, начала поздравлять, хлопать по плечу. Но Настя стояла, словно оглушенная. Она выиграла гонку. Она поставила на место зарвавшегося чемпиона. Но почему она чувствовала не вкус победы, а странное, тревожное и сладкое предвкушение чего-то большего, чего-то, что было гораздо опаснее любого поворота на скорости 200 км/ч?

Она смотрела ему вслед, на его широкую спину, обтянутую черной кожей. Слова Димы, сказанные час назад, эхом прозвучали в голове: «Он хочет поставить тебя на место».

Кажется, гонка за это самое место только начиналась. И ставки в ней были куда выше, чем просто желание.

Глава 2. Искры на мокром асфальте

Прошла неделя. Неделя, за которую Настя не выиграла ни одной гонки. Нет, она участвовала и даже приходила к финишу первой, но это было не то. Пропал азарт. Пропало то щемящее чувство превосходства. Вместо привычного холодного удовлетворения внутри поселилось какое-то липкое, непонятное беспокойство. И виной всему был он. Его взгляд. Его последние слова.

Каждый вечер, приезжая в промзону, она первым делом неосознанно искала глазами черный «БМВ» с красной полосой. И каждый раз, не находя его, испытывала странную смесь облегчения и разочарования? Она злилась на себя за это. Что за дурацкое, бабское поведение! Она — Гроза, лучшая гонщица, а не какая-то кисейная барышня, вздыхающая по первому встречному байкеру. Да еще и по такому наглomu!

Дима поглядывал на неё с плохо скрываемым беспокойством. Настя стала рассеянной, могла сорваться на нём из-за мелочи, а вчера и вовсе чуть не завалила байк на пустом месте, уходя в поворот на скорости, с которой даже новичок бы справился.

— Насть, может, ну его? — осторожно спросил Дима, протирая карбюратор. — Пашу этого. Уехал и уехал. Мало ли, стыдно стало, что баба обставила.

— Не обставила, а выиграла с явным преимуществом, — резко поправила она, не отрывая взгляда от входа. — И никуда он не уехал. Я чувствую это.

И она действительно это чувствовала. Он был где-то рядом, в этом городе. Его присутствие витало в воздухе, как запах озона перед грозой.

Ночь наступила быстро. Тяжелые тучи затянули небо, обещая скорый ливень. Гонки решили свернуть пораньше — мокрый асфальт в «Тещином языке» был верной смертью. Народ потихоньку рассасывался. Настя осталась одна из последних. Ей не хотелось домой, в пустую квартиру, где единственным развлечением был разбор полетов по телеметрии.

Она сидела на корточках возле своего байка, проверяя цепь, когда звук разрезал вечернюю тишину. Ровный, глубокий, уверенный рокот. Сердце пропустило удар. Она резко выпрямилась.

Из темноты, словно призрак, появился он. Без шлема. Всё та же черная куртка, под ней — белая футболка, намокшая от начинающегося дождя и прилипшая к телу. В свете фонаря капли воды блестели в его волосах. Он остановил байк прямо перед ней, перекрывая путь.

— Привет, Гроза, — его голос прозвучал неожиданно мягко, почти интимно. — Скучала?

Настя вздернула подбородок, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

— С чего бы? У тебя мания величия. И сдай назад, ты мне свет загораживаешь.

Он усмехнулся и, вместо того чтобы отъехать, слез с байка. Медленно, неумолимо, как надвигающийся шторм, он приближался к ней. Дождь усиливался, барабанил по крышам ангаров, по асфальту, по её кожаному комбинезону. Капли стекали по её лицу.

— А мне показалось, скучала, — он подошел непозволительно близко. Снова этот запах. — Я приехал отдать долг. Помнишь? Любое желание.

— Я ещё не придумала, — ответила Настя, стараясь, чтобы голос не дрожал. Его близость дезориентировала, лишала привычной брони.

— А я ждать не люблю. Я человек дела, — в его глазах блеснул опасный огонёк. — Поэтому я предлагаю размен. Я не буду ждать твоего желания. Вместо этого я вызываю тебя на реванш. Здесь и сейчас. Один на один. Если выигрываю я, твой долг сгорает, и ты — он наклонился к самому её уху, обжигая дыханием, — ты проведешь со мной эту ночь. Вся. Без остатка.

Настя резко отстранилась, сверкнув глазами. Наглая, самоуверенная скотина! Он превращал их битву в какой-то базарный торг! Но в то же время этот вызов зажег в ней тот самый, почти угасший огонь. Азарт, смешанный с яростью и чем-то ещё, чему она боялась дать название.

— А если выиграю я? — спросила она с ледяным вызовом.

— Тогда, — он смотрел ей прямо в глаза, не отводя взгляда, — я исчезну из этого города. Навсегда. Ты никогда больше меня не увидишь.

Это было сильное заявление. Он ставил на кон всё. Либо он получает её, либо убирается с её территории, признав полное и окончательное поражение.

— Идет, — выпалила она прежде, чем успела подумать. — Трасса та же. До моста и обратно. Дождь только начался, асфальт ещё не скользкий.

— Нет, — покачал головой Паша, и его усмешка стала совсем уж волчьей. — Хватит твоих «Тещиных языков». Трасса будет моя. Прямая, как стрела. Старое Дмитровское шоссе, десять километров туда, разворот у столба, и обратно. Проверим, у кого на самом деле духу больше. Или боишься, что на прямой твоя «Ямаха» против моего «БМВ» не вывезет?

Он бил по больному. На прямой у него было преимущество в объеме двигателя. Он предлагал дуэль на его поле. Отказаться — значило признать, что она выиграла в прошлый раз только за счет знания трассы.

— Я не боюсь ничего, — отрезала Настя. — Поехали.

Они выехали на пустынное шоссе. Дождь хлестал уже во всю, заливая визоры шлемов, делая асфальт черным и блестящим, как змеиная кожа. Видимость была отвратительная. Гонка в таких условиях была чистым самоубийством. Но она не могла отступить. Его фара светила впереди, маня и беся одновременно.

Они поравнялись. Настя глубоко вздохнула. Всё, что имело значение — это прямая. Никаких хитростей. Только газ, передачи, и контроль над бешеным зверем между ног.

Она взмахнула рукой. Старт!

Двигатель взвыл, и байк рванулся вперед с такой силой, что переднее колесо на секунду оторвалось от земли. Настя переключила передачу, вторая, третья. Дождь сек по шлему, словно картечь. Она неслась в кромешной тьме, рассекаемой лишь лучом её же фары. Паша был рядом, неумолимый, как поезд. Его черный силуэт маячил справа, мотор ревел на пределе.

Стрелка спидометра подбиралась к 280 км/ч. Аквапланирование? Страх? Этих слов не существовало. Существовал только рев мотора, стук сердца в висках и желание победить. Она чуть сместилась, пытаясь поймать воздушный мешок за ним, чтобы уменьшить лобовое сопротивление. Это сработало! Она начала медленно, сантиметр за сантиметром, нагонять его. Еще немного, и она сможет выйти из его тени и обойти!

Разворот! Условная точка на шоссе, большой рекламный щит. Настя ударила по тормозам, чувствуя, как заднее колесо юзит на мокрой дороге. Паша делал то же самое, но он был тяжелее, и его байк затормозил чуть раньше. На развороте она его не достала.

Обратный путь. Ветер и дождь теперь били в лицо. Десять километров до финиша. Она снова висела у него на хвосте. Ярость клокотала в горле. Проиграть! Ему! После всего! Она выжала из «Ямахи» всё. Обороты двигателя вошли в красную зону. Она видела, что Паша тоже идет на пределе, его байк опасно вилял на неровностях.

До финиша, которым они назначили заброшенный пост ДПС, оставалось пара километров. И тут Настя поняла, что не успевает. Чистая механика. На прямой его движок был сильнее. Он выигрывал полкорпуса. Полкорпуса поражения.

И тут она сделала то, что сделал бы любой безумец на её месте. То, что сделал бы он сам.

Она до упора выкрутила ручку газа и пошла на обгон не по прямой, а по встречной полосе. Один Бог ведал, не появится ли из-за поворота встречная машина. Это был русский

рулет. Вся её жизнь сжалась до игольного ушка между жизнью и смертью. Мотор выл, разрезая ночь. Она поравнялась с ним, колесо в колесо.

Он повернул голову. Даже сквозь шлемы и пелену дождя она увидела его расширенные глаза. Он не ожидал. Он думал, что у нее не хватит духу. Но в этот момент он понял, что она — не просто гонщица. Она — берсерк.

Рекламный щит, финиш, пролетел мимо. Они пересекли его одновременно. Ничья.

Они остановились у поста ДПС, два взмыленных зверя. Двигатели смолкли. Тишина, нарушаемая только шумом дождя и их тяжелым, прерывистым дыханием. Настя сорвала шлем. Её трясло. От выброса адреналина, от осознания того, что она только что сделала.

Паша тоже снял шлем. Его лицо было белым, но не от страха. От ярости.

— Ты ненормальная! — рявкнул он, надвигаясь на неё. — Ты могла убиться! Из-за чего?! Из-за дурацкого спора?!

— Из-за того, чтобы ты не думал, что можешь меня купить! — выкрикнула она ему в лицо, сжимая кулаки. — Что я — просто трофей! Твой долбаный «приз»!

Она и сама не заметила, как он схватил её за плечи, прижав спиной к мокрой кирпичной стене поста.

— Трофей? Ты думаешь, я хочу тебя, как трофей? — прорычал он, его лицо было в нескольких сантиметрах от её. С его волос стекала вода, капая ей на лицо. — Ты думаешь, я поперся в этот сраный город за трофеем? Я приехал за тобой. Я год смотрел записи твоих гонок! Я не мог понять, как такая хрупкая девчонка может так ездить, так чувствовать байк! Ты ты заноза, которая засела у меня в голове!

Это было как удар под дых. Настя смотрела в его горящие, темные от ярости и желания глаза и не могла вымолвить ни слова. Вся её броня, весь её холодный расчет — всё треснуло и осыпалось. Он приехал не унижить её. Он приехал за ней?

И в следующую секунду он поцеловал её. Это не был нежный, робкий поцелуй. Это был грубый, требовательный, полный ярости и подавляемой страсти штурм. Его мокрые губы впились в её, рука зарылась в растрепавшиеся волосы, сжимая их в кулак. Он вжал её в стену всем своим телом, и Настя почувствовала жар его тела даже сквозь холодную, мокрую кожу комбинезона.

Её разум вопил «Оттолкни!», но тело предало её. Оно ответило с той же животной, дикой силой. Она зарычала в ответ, кусая его губы, и сама вцепилась пальцами в его мокрую куртку. Это была не ласка. Это была драка двух равных по силе соперников, где оружием стали губы и руки. Он пах дождем, бензином и чем-то пряным, мужским, отчего у неё кружилась голова. Коленом он раздвинул её бедра, и она почувствовала всю силу его желания, прижатую к её животу. Одна его рука скользнула вниз, нащупывая молнию её комбеза.

— Паша — выдохнула она, впервые назвав его по имени, и в этом выдохе смешались протест, мольба и откровенный стон.

Звук его имени подействовал на него, как красная тряпка на быка. Он рванул язычок молнии вниз, одним движением, обнажая её ключицы, грудь, живот. Холодный дождь хлестнул по разгоряченной коже. Настя вздрогнула, но его горячие губы уже скользнули по её шее, спускаясь ниже, туда, где под тонким кружевом белья бешено колотилось сердце.

— Ты сводишь меня с ума — прошептал он, стаскивая лямку бюстгальтера и касаясь губами напрягшейся на холодном воздухе вершинки. Настя застонала, выгибаясь ему навстречу. Это было безумие. На заброшенном посту, под проливным дождем, с человеком, которого она ненавидела. Или любила? В этот момент это были два полюса одной и той же всепоглощающей страсти.

Он опустился перед ней на колени, покрывая поцелуями её мокрый живот. Его руки скользнули по бедрам, сжимая их до легкой боли. Он был везде. Он заполнил собой всё. Её мир, её разум, её тело.

Она запустила пальцы в его волосы, сжимая их так же сильно, как он сжимал её бедра. Желание затапливало её с головой, смывая остатки разума. И когда он резким движением стянул с неё нижнее белье, она не сопротивлялась. Она притянула его к себе, кусая его плечо прямо через футболку, чтобы не закричать в голос, когда его пальцы скользнули внутрь, в самое горячее, пульсирующее от нетерпения лоно.

— Моя — рычал он ей в шею, двигая пальцами в такт её бешено бьющемуся сердцу. — Ты будешь моей.

— Посмотрим — выдохнула она, теряя последние остатки контроля.

Он не стал ждать приглашения. Он развернул её лицом к стене, вынуждая упереться руками в мокрые кирпичи. Она услышала звук расстегиваемой молнии на его джинсах, и в следующее мгновение он одним мощным, резким толчком вошел в неё. Настя вскрикнула, но это был крик не боли, а чистейшего, ничем не разбавленного наслаждения, смешанного с болью от его грубости. Он заполнил её до предела, двигаясь жестко и глубоко. Шум дождя заглушал их стоны. Это была не любовь. Это было первобытное обладание, битва, в которой они оба были и победителями, и проигравшими.

Он двигался в ней с той же агрессивной точностью, с какой вел свой байк. Ни одного лишнего движения. Каждый толчок достигал цели, заставляя её дрожать и извиваться под ним. Она толкалась бедрами ему навстречу, чувствуя, как внутри нарастает невероятное, тугое напряжение.

— Еще — простонала она, и он ускорил темп, вдалбливаясь в неё с такой силой, что кирпичная кладка, казалось, вибрировала. Его горячее дыхание обжигало ей шею, рука скользнула вперед, нащупывая самую чувствительную точку, и начала двигаться в такт с его толчками.

Это стало последней каплей. Мир взорвался. Настя закричала, выгибаясь дугой, чувствуя, как по телу прокатывается мощнейшая волна оргазма, сжимая его внутри себя. Он взревел ей в ухо, и через секунду она почувствовала, как он изливается в неё, содрогаясь всем телом.

Он навалился на неё сзади, тяжело дыша. Дождь всё так же хлестал по ним, остужая разгоряченную кожу. Настя стояла, не в силах пошевелиться. Реальность возвращалась медленно, толчками. Что она наделала? С ним. С Пашей. Она позволила ему взять себя прямо здесь, как будто она была как он и хотел. Его трофеем.

Она резко высвободилась из его рук, отвернувшись, и начала дрожащими пальцами застегивать мокрый комбинезон. Он стоял позади, поправляя одежду.

— Настя — начал он, но она резко оборвала его.

— Замолчи. Ни слова.

Она надела шлем, не глядя на него. Села на байк. Двигатель завелся с пол-оборота. Ей нужно было уехать. Немедленно. Сбежать от него, от того, что произошло, от самой себя.

— Настя! — крикнул он ей вслед.

Но она уже рванула с места, оставляя его одного под проливным дождем. Пальцы дрожали на ручке газа. Она не понимала, кто она теперь. Победительница? Проигравшая? Она ехала в ночь, а перед глазами стояли не цифры спидометра, а его лицо, искаженное страстью в тот самый момент, когда он назвал её своей. И самое страшное — в глубине души, где-то на дне, она хотела, чтобы это было правдой.

Глава 3. Трещина в броне

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Настя летела сквозь мокрый, притихший город, не разбирая дороги. В ушах всё ещё стоял шум его дыхания, его хриплый шёпот: «Моя...». Она гнала байк на пределе, словно пытаясь убежать от собственных ощущений, всё ещё пульсирующих внизу живота. Но от себя не убежишь.

Она ворвалась в свою квартиру, маленькую студию на окраине, которая служила ей скорее местом для ночлега и складом гоночной экипировки, чем домом. Не включая свет, прошла в ванную. Стянула мокрый, холодный комбинезон. Он с глухим стуком упал на кафельный пол. Настя перешагнула через него, словно через сброшенную змеиную кожу, и встала под душ.

Горячие, почти обжигающие струи ударили по озябшей коже. Она закрыла глаза. Под веками тут же вспыхнула картина: его темные, безумные от желания глаза, его руки, сжимающие её бедра. Она резко распахнула глаза и начала яростно тереть себя мочалкой, словно пытаясь смыть с себя не только грязь, но и его прикосновения. Но они вьелись глубже. Они были внутри неё. Она всё ещё чувствовала его. Его запах, его силу, его власть над ней в тот момент.

Это было невыносимо. Она, Настя Гроза, которая никогда никому не позволяла даже приблизиться к себе на расстояние вытянутой руки, позволила какому-то самоуверенному, наглому великолепному байкеру взять её у стены заброшенного поста ДПС, как девку из дешёвого порнофильма. И самое ужасное — ей это понравилось. Не просто понравилось. Она испытала самый мощный, самый яркий оргазм в своей жизни.

Она ударила кулаком по кафельной стене. Боль отрезвила.

— Соберись, тряпка! — прошипела она своему отражению в запотевшем зеркале. — Это был просто секс. Выплеск адреналина. Ничего больше. Он получил, что хотел. Ты получила разрядку. Игра окончена.

Но игра была далека от завершения. Потому что выключив воду и завернувшись в полотенце, она увидела на телефоне пропущенный вызов. И сообщение.

«Я знаю, что ты не спишь. Нам нужно поговорить. П.»

Она отбросила телефон, словно ядовитую змею. Поговорить?! О чём?! О том, как он поймел её в прямом и переносном смысле? Нет уж. Она заблокировала его номер. Решение было принято. Она вычеркнет его из своей жизни. Завтра же. Навсегда.

Следующая неделя превратилась в пытку. Она старалась жить по привычному графику: тренировки, гараж, ночные заезды. Но всё пошло наперекосяк. Механики в сервисе, куда она иногда заезжала на диагностику, обсуждали только его.

— Ты видел, как он на «Хонде» Славки вчера в поворот зашёл? Это жуть! С нулевым просветом! — Говорят, он новую тачку собрал за три дня. Монстр, а не байк.

Его имя было повсюду. Он стал местной звездой. И он не уехал. Настя, приезжая в промзону, видела его. Он был неизменно в центре внимания, окруженный стайкой поклонников и поклонниц. Девушки вешались на него гроздьями. Особенно одна — рыжая, длинноногая девица по имени Алиса, которая строила Насте глазки с первого дня её появления в тусовке. Теперь она в открытую крутилась возле Паши, прижимаясь к нему своей необъятной грудью при каждом удобном случае.

Настя видела это. И каждый раз, когда рыжая касалась его рукава, у Насти внутри что-то сжималось в тугий, горячий узел. Ревность. Она ненавидела себя за это чувство. Она пыталась давить его, загонять вглубь, но оно прорастало ядовитыми цветами. Особенно когда она ловила на себе его взгляд. Он смотрел на неё. Всегда. Поверх голов, сквозь толпу. Смотрел с той же самой голодной, властной усмешкой, которая теперь снилась ей в кошмарах. Но он не подходил. Ждал. И это ожидание бесило её больше всего.

Кульминация наступила в четверг. Была объявлена большая гонка — «Битва районов». Команда севера против команды юга. Естественно, капитаном южан была она. Капитаном северян — он. Это была не дуэль один на один, а эстафета из трёх этапов. И на последнем, решающем этапе, они должны были сойтись лицом к лицу.

— Ты не в форме, Настя, — Дима с тревогой смотрел на неё перед стартом. Она была бледна, и под глазами залегли тени. Бессонные ночи давали о себе знать.

— Я в порядке, — отрезала она, проверяя давление в переднем колесе. Оно было в норме, но для верности она ещё раз качнула. Контроль. Ей нужен был тотальный контроль.

Старт. Первые два этапа прошли с переменным успехом. Южане вырвались вперед, но северяне нагнали на второй прямой. Всё решалось в последнем заезде. Настя заняла позицию на старте. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, остановился Паша. Он был без Алисы. Он вообще был один, сосредоточенный и собранный.

Он поднял визор и повернулся к ней.

— Ты игнорируешь меня. Зря. Долги нужно отдавать, Гроза, — произнес он достаточно громко, чтобы она услышала сквозь шум.

— Я ничего тебе не должна, — процедила Настя, не глядя на него.

— Нет, должна, — его голос был спокоен и уверен. — Ты должна мне желание. И сегодня я его назову. Когда выиграю. И поверь, второй раз ничьей не будет.

Старт! Настя рванула так, словно за ней гнались все демоны ада. Злость и смятение придавали ей сил. Она прошла первый поворот в управляемом заносе, срезав угол. Паша не отставал. Он висел на хвосте, как приклеенный. Второй поворот, третий. Они вылетели на прямую. Здесь он начал её нагонять. Мощности его двигателя хватало, чтобы компенсировать её более агрессивную манеру вождения.

Они шли колесо в колесо. До финиша оставался один поворот, затяжная левая дуга перед выездом к ангарам. Настя знала этот поворот как свои пять пальцев. Её коронный. Здесь она всегда выигрывала полсекунды. Она начала смещаться внутрь, готовясь войти в апекс.

И в этот момент Паша сделал немыслимое. Он не стал тормозить. Он пошёл на обгон с внешней стороны, по гораздо более широкой дуге, которая требовала от байка почти невозможного угла наклона. Это был чистый суицид. Асфальт там был хуже, траектория длиннее.

Но у него получилось. Двигатель его нового байка взвыл, и он прошел поворот так, словно его держали на невидимых рельсах. Он вышел из поворота перед ней, подрезав её и заставив чуть сбросить газ.

Этого хватило. Он финишировал первым. С отрывом в жалкие полкорпуса.

Толпа северян взревела. Настя остановила байк и несколько секунд сидела неподвижно, глядя в одну точку. Она проиграла. Ему. На своем коронном повороте. Он разбил её главное оружие. Её веру в собственное превосходство.

Он уже ждал её. Стоял, скрестив руки на груди, без шлема. Мокрые от пота волосы прилипли ко лбу. Он был похож на хищника, только что завалившего добычу.

— Твоё желание, — холодно сказала Настя, снимая шлем. Она не покажет ему своей боли. Своей растерянности. Ни за что.

— О, оно простое, — он подошёл ближе, и толпа вокруг затихла, предвкушая зрелище. — Сегодня вечером. Ты. Я. Ужин. Ресторан «Империял». В восемь. И надень платье.

По толпе пробежал удивлённый гул. Ресторан «Империял» был самым пафосным местом в городе. Никаких кожаных курток и запаха бензина. Это был вызов. Он хотел вытащить её из её мира, снять с неё броню байкерши, увидеть её женщиной.

Настя усмехнулась. Вот, значит, как. Решил поиграть в джентльмена?

— Ты серьезно? Думаешь, купил меня ужином? — спросила она с презрением.

— Я ничего у тебя не покупал, — спокойно ответил он, глядя ей в глаза. — Я выиграл твоё время. И я намерен его использовать. Или ты отказываешься от своего слова? Слово Грозы — пустой звук?

Удар ниже пояса. При всех. Она загнана в угол. Отказаться — значит потерять лицо перед всей тусовкой. Согласиться — значит дать ему то, чего он хочет.

— Хорошо, — процедила она. — Я приду. Но это ничего не изменит.

Он наклонился к ней и прошептал на ухо, так, чтобы никто не слышал:

— Уже изменило, Настя. Просто ты ещё не готова это признать.

— --

Вечером она стояла перед распахнутым шкафом, и её охватывала паника. Платье. Какое, к чёрту, платье?! Она перерыла все вешалки. Джинсы, майки, термобельё, несколько кожаных курток — вот и весь её гардероб. Настя почти никогда не носила женскую одежду. Она была ей не нужна.

На самой дальней вешалке, в чехле, висело оно. Чёрное, шёлковое. Единственное платье, купленное три года назад по настоянию мамы на какую-то дальнюю свадьбу. Простое, без бретелек, до колена. Она достала его. Ткань холодила пальцы.

— Ты спятила, — сказала она своему отражению, но всё же натянула его.

Платье село идеально. Оно облегло фигуру, как вторая кожа, подчёркивая все изгибы, которые обычно скрывал мотоциклетный комбинезон. Она распустила волосы, которые обычно носила в пучке. Они упали на плечи мягкой волной. Единственное, что она умела делать с косметикой — это красить ресницы и наносить блеск на губы. Сейчас она сделала и то, и другое. Взглянула в зеркало. На неё смотрела незнакомка. Красивая, взволнованная, с лихорадочным румянцем на щеках. Хрупкая и в то же время опасная.

Ровно в восемь такси остановилось у «Империи». Настя вышла, чувствуя себя голой и беззащитной. Без привычного рёва мотора, без шлема, она потеряла все ориентиры. Швейцар в ливрее открыл ей дверь, глядя на неё с лёгким удивлением. Она была красива, но в этом месте, среди блеска хрусталя и тихой музыки, выглядела чужеродно.

Паша ждал её за столиком у окна. Он встал, когда она вошла. На нём был тёмно-серый, идеально сидящий костюм. Никакой щетины. Гладко выбрит. Он выглядел... сногсшибательно. Опасно. Абсолютно чужим и в то же время до мурашек знакомым.

Он не сводил с неё глаз, пока она шла к столику. В его взгляде не было насмешки. Только восхищение, смешанное с тем самым тёмным огнём, который она уже видела.

— Ты... — он запнулся, помогая ей сесть. — Ты невероятная.

— Ты тоже умеешь удивлять, — сухо ответила она, пытаясь скрыть, как дрожат руки. — Зачем этот цирк? Хотел унижить меня окончательно? Показать, что я не вписываюсь в твой мир?

— Наоборот, — он сел напротив, и его взгляд стал серьёзным. — Я хотел показать тебе, что ты вписываешься в любой мир. В мой мир. Я хотел увидеть тебя без всего этого, — он сделал жест рукой, словно отбрасывая прочь байкерскую атрибутику. — И знаешь что? Я поражен.

Он налил ей вина из заранее заказанной бутылки. Она сделала глоток. Терпкое, дорогое. Совсем не похожее на дешёвое пиво из банки, которым они обычно отмечали победы.

— Ты проиграла сегодня, — продолжил он, глядя на неё поверх бокала. — Знаешь, почему?

— Потому что у тебя байк на пятьдесят кубов мощнее? — огрызнулась Настя.

— Нет. Потому что ты думала обо мне. Ты потеряла концентрацию. Я был у тебя в голове. Так же, как ты уже неделю в моей.

Его слова ударили наотмашь. Прямо в цель. Она хотела возразить, сказать, что он бредит, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Чёрт возьми, он был прав на все сто.

— Я не мог нормально спать, — сказал он тихо, накрывая её руку своей. Его ладонь была большой, горячей, шершавой от ручки газа. — Я не мог нормально есть. Ты — как вирус, который я подхватил и не могу вылечить. Та ночь... на посту... Я поступил, как животное. Я хотел тебя наказать за ту первую гонку, хотел подчинить. Но когда я коснулся тебя, я пропал. Ты ответила мне так, как не отвечала ни одна женщина. Ты не сдалась. Ты дралась со мной даже в этом.

Настя слушала, затаив дыхание. Он говорил то, что она сама боялась признать. Что между ними было не просто соперничество. Была искра. Та самая, чёртова, неконтролируемая искра, которая в любой момент могла взорвать всё вокруг.

— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь, — тихо сказала она, пытаясь высвободить руку. — Я не создана для отношений. Моя жизнь — это гонки. Это свобода. Я не буду чьей-то.

— А я и не прошу тебя быть «чьей-то», — он сжал её пальцы сильнее, не давая вырваться. — Я прошу тебя быть со мной. Когда захочешь. Как захочешь. Без обязательств. Без клятв. Просто... не беги от того, что между нами происходит. Дай этому шанс.

Он смотрел на неё так открыто, так честно, что её сердце пропустило удар. Это было самое страшное и самое заманчивое предложение в её жизни. Перестать сопротивляться. Признать, что этот наглый, невыносимый мужчина нужен ей не меньше, чем воздух на финишной прямой.

— Давай заключим перемирие? — он поднял свой бокал. — Заморозим войну. На время. Попробуем узнать друг друга не на треке.

Настя долго смотрела на него. Война... Она так привыкла к войне, что уже забыла, что такое мир. Она подняла свой бокал. Звон хрустала прозвучал как сигнал к началу чего-то нового.

— Хорошо, — произнесла она, и её голос дрогнул. — Перемирие. Но если ты снова попробуешь на меня давить, я тебя уничтожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.